

УДК 009+070:82(091) (Гуманитарные науки в целом. Газеты, пресса. Журналистика. История литературы)

ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД ДРАМЫ Н.А.ПОЛЕВОГО

© 2016 А.И.Федута

Федута Александр Иосифович, кандидат филологических наук, доцент Департамента социальных и политических наук. E-mail: feodor1964@yandex.by

Европейский гуманитарный университет. Вильнюс, Литва

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Николай Алексеевич Полевой – во многом, благодаря журналистской деятельности во главе «Московского Телеграфа» – быстро «сделался любимцем публики, и, если был в войне с большей частью писателей, то видел в то же время <...> горячую любовь к себе молодого поколения, выражавшуюся при всяком возможном случае. Вот для кого он работал и хотел поскорее издать свое сочинение, поделиться новым своим трудом с теми, кого всегда имел в виду, при всех своих литературных занятиях» [1, с. 285]. «Он опирался на мнение большинства в публике: в этом заключалось его право выражать свои мнения независимо от личностей, в этом было и могущество его» [1, с. 166]. Свидетельствовал об этом и несомненный финансовый успех журнального предприятия братьев Полевых: «Первое издание (кажется 700 экземпляров) разошлось все до выхода второй книжки; с третьей книжки “Московский Телеграф” печатался уже в числе 1200 экземпляров: успех, давно неслыханный в тогдашнем журнальном мире!» [1, с. 165]

Ключевые слова: Н.А.Полевой, история литературной деятельности в политике; драматургический прием; журналистика в биографии Н.А.Полевого.

Полевой видел в публике скорее союзника, нежели оппонента. Он писал: «Публика удивительное существо. Она кажется резвым дитятем, бросается на всякую новость, на всякую странность, кричит, шумит, смеется, плачет без толку, и, по-видимому, всякий умник водит ее на помочах. В то же время это существо умное, глубокомысленное, отличающее хвалою только истинно прекрасное, тотчас охлаждающее к неверно понятому, ложному, поддельному, чувствующее все, что велико и изящно, и превышающее умом и знаниями всякий высокий ум и всякое обширное учение частное. Отчего такое противоречие? Оттого, что публика как собирательное лицо составлена из умных и дураков, избранных и толпы, ученых и невежд и, образуя собою *народ*, она, по числу единиц, ее составляющих, должна превышать всякую единицу частного ума и частного знания. Сверх того, *народ* не стареется, учится, не уставая, и всегда юн и бодр, а *человек* утомляется, стареет и потому всегда отстанет от народа, рано или поздно» [3]. Предвзятость Полевой подозревал только в носителях «партийных» идей и выразителях вкусов небольших кружков: «Смело передавайте публике высокие тайны души вашей: она оценит и поймет их; ни одна прекрасная мысль, ни одно изящное слово не ускользнет от ее внимания. Но

часто вы встретите холодность, даже неприязненность; против вас раздадутся клики негодования: не бойтесь! Не жалейте, если слабое, прошлое, недостаточное в то же время приветствуется кликами восторга и радости. Кроме того, что публика есть собрание противоположностей, все это собрание увито, испещрено страстями, отношениями и личностями. Страсти, личности, дух партий, толпа кричит громко, и нередко удаётся им заглушать голоса истины. Если вас *неожиданно* приветствует шумный клик одобрения, не доверяйте ему и помните слова одного из римских императоров: “Боюсь: они что-то меня слишком превозносят”; если вас, напротив, встречает *незаслуженный* клик негодования или холодность, не робейте, помните правило греческих мудрецов: “Познай самого себя”. Если ум и совесть отдадут вам чистый отчет, публика будет за вас» [4]. Причем теоретическим основанием для такого подхода является все тот же историзм мышления Полевого: «Влияние гения продолжится век, влияние умного человека – годы; но публика и народ все-таки переживут наконец всякое влияние и ума, и гения» [3, с.91].

Однако авторской воли в общении с публикой было недостаточно. Несмотря на утверждения Пушкина о том, что «Полевой был баловень публики. Он умел уверить ее, что его либерализм

пустая только маска» [5, с. 324], «Московский Телеграф» ждала катастрофа. Конфликт с министром просвещения С.С.Уваровым привел к закрытию журнала, поводом к чему послужила отрицательная рецензия Полевого на пьесу Н.В.Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». При этом негативно критик оценивал не патриотическую направленность «Руки Всевышнего...», а установку на читательское восприятие, позволившую Кукольникову игнорировать верность исторической истине. Характеризуя реакцию зала, Полевой пишет: «Мы слышали, что сочинение г-на К. заслужило в Петербурге много рукоплесканий на сцене. Но рукоплескания зрителей не должны приводить в заблуждение автора. Каждое слово, близкое русской душе, каждая картина, хоть немного напоминающая родное, могут возбуждать громкие плески. “Димитрий Донской” Озерова – эта решительная ошибка дарования сильного; “Пожарский” Крюковского – где нет и тени драмы – обе сии пьесы в свой черед заставляли зрителей рукоплескать. И как часто, даже ныне, сильный стих Озерова или Крюковского:

Кто слову изменит, тому да будет стыдно

или –

В отечестве драгом, в родимой стороне,
Как мило сердцу все, как все любезно мне –

заставляют зрителей хлопать. Я помню представления “Димитрия Донского” и “Пожарского” в Москве в 1812 году. Надобно было слышать, какой страшный гром рукоплесканий раздавался тогда при стихе:

И гордый, как скала кремнистая, падет!

Когда Пожарский произносил:
Россия не в Москве, среди сынов она,
Которых верна грудь любовью к ней полна!

“Ура!” сливалось тогда с оглушающим криком: “Charmant!”, “Браво!” Многие из зрителей плакали от умиления. Тогда же играли драму Глинки “Минин” – и стены театра дрожали от плеска и крика при словах Минина:

Бог сил! предшествуй нам, правь нашими рядами,
Дай всем нам умереть отечества сынами!
Наши старики сказывают, что также некогда встречали они рукоплесканиями трагедию Хераскова [6, с.103–104].

Эти справедливые упреки привели к тому, что Полевой потерял не просто журнальную трибуну. Он утратил право не печататься (это право как раз

было ему возвращено довольно скоро), но определять журнальную политику и даже ставить свою подпись под авторскими материалами [7].

Поиск нового жанра – это для Полевого поиск новых возможностей выживания не только литературного, но и физического [8, с.482]. Полевой должен вписываться в уже существующие форматы. Либо – становиться соредктором изданий «с историей», например, «Сына Отечества» со всеми ограничениями, накладываемыми на него уже в новых обстоятельствах цензурой. Либо – переходить на иную площадку, какой становится для Полевого театр.

Однако изменение формата было неизбежно связано и с изменением взаимоотношений Полевого с публикой. Ф.В.Булгарин обратил на это внимание: «О чем речь в публике, за то и принимается почтенный Н.А.Полевой» [9]. Если ранее именно Полевой диктовал публике тематику и оценки, вел ее за собой как «колонновожатый» (используем его собственный образ), то теперь он становится заложником ее вкусов и оценок. И нужно заметить, это ему удастся. Театр – «из всех искусств <...> важнейшее» [10] для первой половины XIX в. в силу реальной массовости аудитории и понятности всем слоям публики – приносит ему новую славу. Тот же Булгарин отмечает: «Пьесы ваши имели неслыханный успех» [11].

Успех пьес Полевого был обусловлен тем, что, как и в практической журналистской деятельности, он точно чувствовал настроения адресата своих текстов, при этом сам он практически не изменил собственную позицию [12, с.XIII]. В.Ф.Боцяновский справедливо отметил: «Что же касается до общих принципов, до убеждений Полевого, то он нисколько не изменил им. Полевой-драматург в этом отношении не отличается от Полевого-журналиста» [13, с. 6]. Публика представляется Полевому вполне дифференцированной – каждому требуется свое: «Ложки требуют от вас чего-нибудь тонкого, изящного, нежных намеков чувства и сердца, а партер, напротив, хочет чего-нибудь грубого, надутых, резких выражений, громких слов, которые иногда на два локтя переходят за пределы здравого смысла, логики и грамматики.

Итак, если вы хотите успеха, вам надобно найти среднее нечто в слоге, смесь партера с ложками, хорошего с дурным» [14, с.87].

Этим «средним» для Полевого становится то, что объединяет партер и ложу, – патриотическая тематика. Мы не можем сказать, что экс-редактор запрещенного журнала чувствует политическую конъюнктуру. Полевой искренен и пытается своей искренностью заразить зритель-

ный зал. Примечательна в этом отношении, например, одна из самых знаменитых его «патриотических» драм – «Купец Иголкин». Герой драмы – плененный в Стокгольмской крепости русский купец – в возмущении убивает двоих стражников, ругавших Петра I. При этом Иголкин в нескольких монологах «пророчествует» о том, что именно этот подвиг будет памятен его внукам и правнукам:

Коммендант. Но кто узнает, кто оценит твой поступок?

Иголкин. Не узнают его люди, но его видит Бог! А, может быть, и добрые люди вспомнят Иголкина; может быть, канет слеза Русская в память мою; может быть, и надежда-государь о том услышит <...> и из его очей покатится слеза жемчужная в память бедного Иголкина: “Он лег за меня костями – не посрамил земли Русской в плену и в заточении...” О! за такую награду, кто, кто не понесет ста жизней на жертву!.. Казните меня, рвите мое дряхлое тело на куски, бросьте псам на съедение труп мой – по гласу Архангела воззовется персть моя перед престол Божий, и Иголкин станет одесною Бога!.. И за такого Царя, каков наш, не положить главы моей, за него победоносца, спасителя, избранника Божия...» [15, с.59–60, первая пагинация].

И далее – в монологе, формально обращенном к Густаву, пытающемуся организовать бегство старика, а по сути – к публике:

«О! дай мне в лице твоём обнять всех детей моих, внуков моих, родных моих... Скажи им <...> а, может быть, ты и увидишь их когда-нибудь <...> скажи им <...> что тебе вверил я мое последнее им благословение – пусть не плачут они обо мне – пусть только помянут меня похристиански – будут добрыми, боятся Бога, и – не жалеют живота за Царя и Отечество...» [15, с. 69, первая пангинация].

Очевидно, что в прозаической патриотической драме Полевого заложен определенный механизм провоцирования реакции зала – иной, нежели, скажем, в патриотической же, но поэтической драме В.А.Озерова или М.В.Крюковского. Минимальной единицей, на которую должна отреагировать публика в зале, для поэтической драмы конца XVIII – начала XIX века является стих, достаточно афористичный, чтобы произвести мобилизующее аффективное воздействие. В этом отношении показателен, например, финал озеровского «Димитрия Донского» (действие V, явления V–VI), в котором действие оформляется в череду афористически организованных стихов и двустиший, последовательно провоцирующих

зрителя на овации. Текст превращается буквально в партитуру для аплодисментов.

Пускай преступницу рука твоя сражает,
Когда отчаянье меня не убивает! [16, 290] –

финал монолога Ксении, обращенного к князю Тверскому с признанием в любви к Димитрию, которого Ксения считает павшим в бою. Для публики, воспитанной на эстетической значимости конфликта между чувством и долгом, эта реплика – вершина нравственного напряжения: Ксения признается жениху в своем преступлении, в том, что она не смогла преодолеть любовь ради долга дочери и невесты. И следующий взрыв аплодисментов должен прервать действие на реплике Белозерского:

Но жизнь Димитрия отечеству нужна [16, с.292].

Публика втягивается в конфликт чувства и долга, причем драматург не дает ей остановиться на какой-либо одной точке зрения. Стихи, произнесенные Ксенией, мобилизуют публику на поддержку позиции Ксении («чувство»), но она не может не поддержать и слова Белозерского («долг»). Вместе с публикой поддерживает Белозерского – ценой собственных чувств – Тверский, отдающий Димитрию право на руку Ксении, дабы удержать его от горя и возможной смерти:

Супругу днесь прими ты от руки моей!
Чего б не сделал я пред властью твоей;
То здесь я делаю, России глас внимая,
Пред победителем свирепого Мамая [16, с.293].

И практически немедленно следуют слова признательности сраженного таким великодушием Димитрия, также ориентированные на всплеск эмоциональной реакции зала:

Великодушный князь!.. Победой над собой
Ты превзошел меня... (*Ксении*) Я съединен с тобой... [16]

Финальное явление трагедии складывается из реплик Воина и Димитрия, каждая из которых, в свою очередь, завершается провокативными вызовами публике:

Дивяся доблестям и подвигам твоим,
Всеобщий ратных глас назвал тебя Донским [16, с. 294]

и
Языки, ведайте: велик Российский Бог! [16]

Причем афористическая природа последней реплики, завершающей всю трагедию, несомненна.

Задача Полевого как создателя патриотического репертуара состоит в активизации мобилизационной функции спектакля. Стихотворная драма позволяет актеру акцентуацией стиха, паузой после него позволить зрителю выразить свое отношение к смыслу произнесенного овацией. Стих торжествен сам по себе. Прозаический монолог (того же Иголкина) должен подводить постепенно к кульминационной точке, в которой адресатом оваций становится не частное лицо, а Государство как высшая степень олицетворения человеческого долга. Можно сказать, что романтик Полевой в драматургии представляет читателю сплав классицистической и сентименталистской эстетики. Так же, как и монолог Иголкина, строится монолог Карстена Брандта в «Дедушке русского флота»:

Брандт (на коленях): Боже! благодарю тебя, благодарю за радостную минуту! Так для того-то хранил ты меня, старика, чтобы моею слабою, дрожащею рукою основать великое дело, начало флота в Русской земле, раскинуть стаю белокрылых лебедей на морях Русских, запенить ими там волны морские, где еще не веял флаг Русский... *(Плачет и не может говорить.)* ... Русская земля! гордись и торжествуй – велик твой Царь! А с великим Царем чего ты не сделаешь, Русская земля!» [17, с.62].

Перед нами развернутый финальный стих «Димитрия Донского» Озерова с поправкой на исторические обстоятельства и сюжет. Причем финал пьесы «Дедушка русского флота» провоцирует настоящий приступ патриотического восторга. Посланник Петра Лефорт сообщает о планах царя не ограничиваться строительством одного корабля:

«Знаешь ли ты, что царь Петр скажет слово, и двинутся мореходные громады на Черное, Каспийское, Белое, Балтийское моря, и сотни тысяч грянут на врагов, и горе тем, кто смеет стать против! Он не повелевать только умеет – он сам всему пример показывает; он хочет скрыть свое величие, он хочет облететь Европу, окинуть ее светлым своим взором... О, велика судьба твоя, Русская земля! Не доживем мы – увидит потомство, и мир содрогнется перед исполином, и Цари будут изучаться примером Петра: то не мечта – мой взор светло озаряется светом будущего... *(Громкое: Ура, дедушка Русского флота! раздается в толпе)*».

И далее следует апофеоз – предчувствие не только величия России (к чему сопричастным ока-

зывается и зрительный зал как полномочный представитель упомянутого «потомства»), но и гораздо более скорого явления самого Петра народу:

Лефорт: Я предчувствовал, предвидел!.. Посмотрите, друзья мои! Вон он сам – скачет сюда – вон машет рукой – кланяется нам!

Брандт: Шапки долой!

Все: Вот он! Вот он! Близко!

Брандт: На колени! Он не Царь – он полубог твой, Россия!.. Ура!

Все: Ура! Ура!

(В безмолвии склоняются на колени к той стороне, откуда скачет Петр Великий. В оркестре слышно: “Боже! Царя храни!”)» [18, с. 68–69; 70–71]

Финал, таким образом, освящается звучащим в оркестре (а, возможно, и в зрительном зале) официальным государственным гимном Империи (с 31 декабря 1833 г.), т.е. вся пьеса оказывается направленной на возбуждение демократического подъема, который публика обязана продемонстрировать [19].

Парадоксально также, что в этом случае драматургический прием, использованный Полевым, вполне соотносим с тем, как строит финалы своих патриотических пьес раскритикованный им Нестор Кукольник. В частности, с тем, как завершается кукольниковская «Рука Всевышнего...»:

Пожарский

О ты, Святая Матерь, Русь родная!

Красуйся под державой Михаила!

Чтоб Русский род об милости Господней

Не забывал – я к вам взываю, братья,

Святой Руси бесчисленные дети!

Из века в век, пока потухнет солнце,

Пока людей не истребится память,

Святите день избранья Михаила,

День двадцать первый февраля!

Все

Ура! [20, с. 238]

Как показывает в своем исследовании Л.Н.Киселева, при постановке пьесы Кукольника «огромный финальный “визионерский” монолог Пожарского в 59 стихов, где герой при избрании Михаила “прозревает” события в Костроме (уговоры Михаила принять венец), а также будущее Руси / России, в частности, величие Петра I (“Не измерим сей Русский полубог!”), создание русского флота и пр. ... сокращен до 13 стихов» [21, с.282], т.е. сцена менее растянута и утомительна. Причем исследовательница обнаруживает, что последняя строка монолога – «День двадцать первый февраля» – и, вероятно, хотя Л.Н.Киселева не пишет об этом, заключающее драму всеобщее восклицание «Ура!» – вписаны карандашом в режиссерском экземпляре драмы

и впоследствии авторизованы в печатном издании сочинений Кукольника.

Очевидно, что, взывая к чувству долга перед государством, воплощенном в персоне монарха, драматург Полевой программирует единственно возможную зрительскую реакцию. Фактически он отступает от той концепции установки на реципиента, которую исповедовал Полевой-редактор в начале своего литературного пути. Воспитание критического взгляда было для Полевого в период «Московского Телеграфа» принципиальным. Личная катастрофа разрушает сложившуюся систему взаимоотношений с публикой, и конвенция, при которой Полевой берет на себя функцию «первопроходца», ведущего за собой читателя, перестает работать. Национальное прошлое уже не может быть предметом дискуссий: Полевой, напомним, закончил работу над «Историей русского народа» в 1833 г., после победы в войне с Турцией в 1828–1829 гг. и подавления польского восстания 1830–1831 гг., когда Россия жила в ожидании возможной новой конфронтации уже с большей частью Европы.

Да и в целом, опальный журналист и писатель уже не сам устанавливает конвенцию отношений с публикой, а получает ее от государства, впервые со времен «Наказа» Екатерины II, сформулировавшего свою идеологию в циркуляре министра народного просвещения от 21 марта 1833 года (уваровская «триада»). Ставить пьесы на сценах императорских театров (а других в России не было) иначе, как в рамках государственной идеологии было невозможно. Изменения в установке Полевого были оценены властью:

«Дубельт позвал его к себе для передачи высочайше пожалованного перстня за пьесу “Ботик Петра I”.

– Вот вы теперь стоите на хорошей дороге: это гораздо лучше, чем попусту либеральничать, – заметил Дубельт.

– Ваше превосходительство, – отвечал, низко кланяясь Полевой, – я написал еще одну пьесу, в которой еще больше верноподданнических чувств. Надеюсь, вы ею тоже будете довольны» [22, с.204–205].

Уход Полевого из литературы и из жизни совпал с окончанием пушкинской эпохи, с окончательной профессионализацией в России литературного творчества. Профессионализация эта состоялась во многом благодаря журналистской и литературной деятельности Н.А.Полевого. «Адмирал [П.И.] Рикорд (комендант Кронштадта. – А.Ф.) говорил о смерти Полевого: лучше умерло бы двадцать человек наших братьев генералов. Государь одним приказом мог бы пополнить убылые места, но назначения таких людей, как Полевой, делаются свыше» [23, с.213].

Были и другие оценки. Действительный студент Г.А.Токарев писал из Дрездена в апреле 1841 г. сестре – княгине А.А.Кудашевой в Тамбовскую губернию:

«Правительство своей медвежьей лапой закрывает ... рот и запрещает говорить правду. Наша нынешняя литература не больше и не меньше, как проститутка. Это Полевой и Кукольник, которые продают свою Музу и свои стихи за перстни и монаршее благословение ... что мы должны читать, какие имена можем мы назвать с тех пор, как умерли Пушкин и Марлинский. Какого-нибудь иезуита Кукольника, запойного пьяницу и святошу одновременно? Какого-нибудь Полевого, который торгует своим талантом?.. Слава Богу, что я далеко от моей родины! В моей стране мне бы пришлось плакать и умереть от ярости, наблюдая неподвизтым взглядом все, что там делается» [24, с.429]

1. Полевой, Кс. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого (1855–1865) // Полевой Николай. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / редакция, вступительная статья и комментарий Вл. Орлова. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 285.
2. Там же. С. 165. Редактор «Московского Телеграфа» даже оправдывался: «Вы знаете, что я не употребляю никаких посторонних средств – просто объявил подписку, и кому угодно – бери» (Полевой, Н.А. Письмо П.П.Свиньину от 22 января 1826 г. // Полевой, Н.А. Избранные сочинения и письма. Л., Изд-во Худож. лит-ра, 1986. С. 495).
3. Полевой, Н.А. Рославлев, или Русские в 1812 году. Сочинение М.Загоскина. 4 части. М., 1831 г. // Полевой, Н.А., Полевой, Кс. А. Литературная критика. Л., Изд-во Худож. лит-ра, 1990. С. 91. Курсив Н.А.Полевого.
4. Там же. С. 91–92. Курсив Н.А. Полевого. Примечательно, что в тексте цитируемой статьи Полевого есть текстуальные совпадения с известным стихотворением Н.А.Некрасова «Блажен незлобивый поэт...»: «Он ловит звуки одобренья / Не в сладком ропоте хвалы, / А в диких криках озлобленья» (Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 томах. Л., Изд-во: Наука, 1981. Т. I. С. 97–98). Данное обстоятельство не отмечено комментаторами (Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 томах. Л., Изд-во: Наука, Л., 1981. Т. I. С. 605–606; Степина, М.Ю. Н.А. Некрасов в русской критике 1838–1848 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 216–297).

5. Пушкин, А.С. Дневник, 1833–1835 гг. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 томах. М., Воскресенье, 1996. Т. XII. С. 324.
6. Полевой, Н.А. «Рука Всевышнего Отечество спасла». Драма из отечественной истории, в 5-ти актах, в стихах. Сочинение Н.К. // Русский театральный фельетон. Л., Изд-во Искусство., 1991. С. 103–104.
7. По распоряжению С.С.Уварова, «имя г. Полевого не может ни значиться в объявлениях, ни появляться на страницах газеты и что, печатаясь в ней, он обязан не подписывать своего имени» (Булгарин, Ф.В. Письмо А.Х.Бенкендорфу от ноября 1837 г. // Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В.Булгарина в III Отделение. М., НЛО, 1998. С. 434. «Если верить Булгарину (порядочному лжецу), Уваров сказал ему: “Вы не знаете Полевого: если он напишет “Отче наш”, то и это будет возмутительно”» (Полевой, Н.А. Письмо Кс.А. Полевому от 20 декабря 1837 г. // Полевой, Н.А. Избранные сочинения и письма. С. 52). А.В.Никитенко воспроизводит мнение Уварова: «Я сначала думал предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить с публикою – это правительство всегда властно сделать, и притом на основаниях вполне юридических, ибо в правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять когда хочет» (Никитенко, А.В. Дневник: в 3 томах. М., «Гослитиздат», 1955. Т. I. С. 141).
8. После смерти Полевого Ф.В.Булгарин, ходатайствуя о пенсии для его вдовы, обращал внимание: «Но вот его нет – а семейство – 9 человек детей, жена, старая няня – без куска хлеба!» (Булгарин, Ф.В. Письмо Л.В.Дубельту от 24 февраля 1846 г. // Видок Фиглярин. С. 482.
9. (Булгарин Ф.В.). Русская литература // Северная Пчела. 1839. №80, 13 апреля. Курсив наш.
10. Ср.: Болтынский, Г.М. Ленин и кино. М.; Л., Госиздат, 1925. С. 39.
11. (Булгарин, Ф.В.). Русская литература. И Полевой знал об этом успехе. В письме к брату Ксенофону он так оценивает свое присутствие на петербургской премьере своей трагедии «Уголино»: «Есть такая отрада и есть часы такой отрады, когда толпа отдает нам справедливость за наше самопожертвование, когда она делается нашей рабой, чувствует свое ничтожество и невольно сознается, что в ней хранятся еще и всегда будут храниться искры божественного, которые выбиваются из нее, как искры из кремня огнивом. В эти мгновения забывает она все расчеты, все отношения, плачет, хохочет и награждает художника-страдальца. Такие минуты редки, такие награды драгоценны, и я испытал теперь такую минуту, получил такую награду» (Полевой, Н.А. Письмо Кс.А. Полевому от 21 января 1838 г. // Полевой, Н.А. Избранные сочинения и письма. С. 529).
12. Ср.: «В романе, драме, истории, критике я всегда был один и тот же» (Полевой, Н.А. Несколько слов от сочинителя // Полевой, Н.А. Очерки русской литературы: в 2 частях. СПб., 1839. Ч. I. С. XIII.
13. Боцяновский, В.Ф. Н.А.Полевой как драматург (к 50-летию его смерти). СПб., 1896 (Отдельный оттиск из «Ежегодника Императорских театров» сезона 1894–1895 гг.). С. 6.
14. Критический вопрос о новейшей современной драме (письмо к Дидероту) // Сын Отечества и Северный Архив. 1838. Кн. VI. Отд. IV. С. 87.
15. Полевой, Н.А. Иголкин, купец новгородский: историческая быль // Сын Отечества и Северный Архив. 1839. Кн. VIII. С. 59–60. Первая пагинация.
16. Озеров, В.А. Димитрий Донской // Озеров, В.А. Трагедии. Стихотворения. Л., 1960. С. 290.
17. Драматические сочинения и переводы Николая Полевого: в 4 частях. СПб., 1842. Ч. I. С. 62.
18. Там же. С. 68–69, 70–71. Ср. другие примеры. Изображение на сцене членов императорской фамилии было запрещено, поэтому в финале пьесы Полевого «Ода премудрой царевне Киргиз-Кайсацкой Фелице» Державин читает стихи воображаемой слушательнице – благодетельствовавшей его Екатерине II. Сусанин в финале «Костромских лесов» умирает со словами: «Вот награда моя – кровь, которая льется за моего Царя, а там (указывая на небо) – может быть, помилует Господь меня, грешного, и удостоит сопричьсть к лику праведных», т.е. обращается одновременно и к царю небесному, и к царю земному (Полевой, Н.А. Костромские леса // Драматические сочинения и переводы Николая Полевого: в 4 ч. СПб., 1842. Ч. I. С. 435.
19. Возможно, что Г.И.Горин, изображая репетицию в провинциальном театре в сценарии «О бедном гусаре замолвите слово», имел в виду «Дедушку русского флота», поскольку возбуждение патриотического подъема при появлении портрета императора напоминает приемы Полевого: «Празднично ударили колокола. Под их перезвон на сцене появился, к великому изумлению римлян, бородатый мужик, в лаптях, с портретом российского императора.
Цицерон – на то он и был Цицерон – принял решение: “Братья мои, мизансцена такая: все – на колени! / Чу! Императора слышу шагов приближенье!”
– Славься, сла-авься русский наш царь! – запел Бубенцов на известную музыку из оперы Глинки.
– Славься, сла-авься ты, наш государь! – дружно подхватили коленопреклоненные римляне.
Далее, что было уже совсем необязательным, мужик перекрестил язычников портретом, как иконой, и скрылся по ту сторону кулис.
...Актеры со страхом воззрились на Артюхова (представителя тайной полиции, руководящего обыском в театре. – А.Ф.).
– Патриотическая вещица, – тоном мецената одобрил Артюхов» (Горин, Г.И., Рязанов, Э.А. О бедном гусаре замолвите слово: киносценарий // Горин, Г.И. Антология сатиры и юмора России XX века. М., Изд-во Эксмо-Пресс, 2000. Т. VI. С. 228).

20. Кукольник, Н.В. Рука Всевышнего Отечество спасла // Кукольник Н.В. Сочинения Нестора Кукольника. Соч. драматические. СПб., 1851. Т. VI. С. 238.
21. Киселева, Л.Н. Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг. // Лотмановский сборник. М., Изд-во ОГИ, 2014. Вып. IV. С. 282.
22. Никитенко, А.В. Никитенко, А.В. Дневник: в 3 томах... Т. I. С. 204–205.
23. Вяземский, П.А. Старая записная книжка. 1813–1852 гг. // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: В 12 т. Т. IX. СПб., 1884. С. 213.
24. Цит. по: Измозик, В.С. «Черные кабинеты»: История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., НЛО, 2015. С. 429.

FINAL CHORD OF THE N.A.POLEVOY'S DRAMA

© 2016 A.I.Feduta

Alexander I. Feduta, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Social and Political Sciences.

E-mail: feodor1964@yandex.by

European Humanities University. Vilnius, Lithuania

Nikolay Alekseevich Polevoy – in many respects, thanks to journalism at the head of "the Moscow Telegraph" – quickly "became the favourite person of public, and if he was in war with the most part of writers, then he saw at the same time <...> the passionate love to himself the younger generation expressed at any chance. Here for whom he worked and wanted to publish somewhat quicker the composition, to share new work with those whom always meant, at all the literary occupations" [1, p. 285]. "It relied on opinion of the majority in public: its right to express the opinions irrespective of persons consisted in it, in it there was also its power" [1, p. 166]. Also undoubted financial success of the journal enterprise of Polevoy's brothers testified to it: "The first edition (700 copies seem) dispersed all to a release of the second book; from the third book "Moscow Telegraph" it was printed already among 1200 copies: success, long ago unprecedented in the journal world of that time!" [1, p. 165].

Keywords: N.A.Polevoy, history of literary activity in policy; dramaturgic reception; journalism in N.A.Polevoy's biography.

1. Polevoi, Ks. A. Zapiski o zhizni i sochineniiakh Nikolaia Alekseevicha Polevogo (1855–1865) (Notes about life and Nikolay Alekseevich Polevoy's compositions (1855–1865)). *Polevoi Nikolai. Materialy po istorii russkoi literatury i zhurnalistiki tridtsatykh godov / redaktsiia, vstupitel'naia stat'ia i kommentarii V.I.Orlova. L., Izd-vo pisatelei v Leningrade, 1934. S. 285.*
2. Tam zhe. S. 165. Redaktor «Moskovskogo Telegrafa» dazhe opravdyvalsia: «Vy znaete, chto ia ne upotrebliaiu nikakikh postoronnikh sredstv – prosto ob"iavil podpisu, i komu ugodno – beri» (The editor of "the Moscow Telegraph" even justified himself: "You know that I do not use any foreign means – just announced a subscription, and – take anyone") (Polevoi, N.A. Pis'mo P.P.Svin'inu ot 22 ianvaria 1826 g. (The letter to P.P.Svinyin of January 22, 1826). *Polevoi, N.A. Izbrannye sochineniia i pis'ma. L., Izd-vo Khudozhestvennaia literatura, 1986. S. 495.*
3. Polevoi, N.A. Roslavlev, ili Russkie v 1812 godu. Sochinenie M.Zagoskina. 4 chasti. M., 1831 g. (Roslavlev, or Russians in 1812. M.Zagoskin's composition. 4 parts). *Polevoi, N.A., Polevoi, Ks.A. Literaturnaia kritika. L., Izd-vo Khudozhestvennaia literatura, 1990. S. 91. Kursiv N.A.Polevogo.*
4. Tam zhe. S. 91–92. Kursiv N.A. Polevogo. Primechatel'no, chto v tekste tsitiruemoi stat'i Polevogo est' tek-stual'nye sovpadeniia s izvestnym stikhotvoreniiem N.A.Nekrasova «Blazhen nezlobivyi poet...»: «On lovit zvuki odobren'ia / Ne v sladkom ropote khvaly, / A v dikikh krikakh ozloblen'ia» (It is remarkable that in the text of the quoted Polevoy's article there is textual coincidence to the famous poem of N.A.Nekrasov "The mild poet ... is blessed": "It catches approval sounds / Not in sweet grumble of praise, / And in wild shouts of animosity") (Nekrasov, N.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh (Complete works and letters: in 15 volumes.). *L., Izd-vo: Nauka, 1981. T. I. S. 97–98.*) Dannoe obstoiatel'stvo ne ot-mecheno kommentatorami (Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh (Complete works and letters: in 15 volumes). *L., Izd-vo: Nauka, L., 1981. T. I. S. 605–606;* Stepina, M.Iu. N.A. Nekrasov v russkoi kritike 1838–1848 gg.: Dis. ... kand. filol. nauk (Nekrasov in the Russian criticism of 1838-1848: Dis. ... edging. Philology). *SPb., 2013. S. 216–297.*
5. Pushkin, A.S. Dnevnik, 1833–1835 gg. (Diary, 1833 – 1835). *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 19 tomakh. M., Voskresen'e, 1996. T. XII. S. 324.*
6. Polevoi, N.A. «Ruka Vsevyshnego Otechestvo spasla». Drama iz otechestvennoi istorii, v 5-ti aktakh, v stikhakh. Sochinenie N.K. ("The hand of God saved the Country". The drama from national history, in 5 acts, in verses. N.K composition). *Russkii teatral'nyi fel'eton. L., Izd-vo Iskusstvo., 1991. S. 103–104.*

7. Po rasporyazheniiu S.S.Uvarova, «imia g. Polevogo ne mozhet ni znachit'sia v ob"iavleniakh, ni poiavliat'sia na stranitsakh gazety i chto, pechataias' v nei, on obiazan ne podpisivat' svoego imeni» (According to S.S.Uvarov's order, "name of Polevoy cannot neither appear in announcements, nor appear on pages of the newspaper and that, being printed in it, he is obliged not to sign the name") (Bulgarin, F.V. Pis'mo A.Kh.Benkendorfu ot noiabria 1837 g. (A.Kh.Benkendorfu's letter of November, 1837). *Vidok Figliarin. Pis'ma i agenturnye zapiski F.V.Bulgarina v III Otdelenie. M., NLO, 1998. S. 434.* «Esli verit' Bulgarinu (poriadochnomu lzhetsu), Uvarov skazal emu: "Vy ne znaete Polevogo: esli on napishet "Otche nash", to i eto budet vozmutil'no"» ("If to trust Bulgarin (the decent liar), Uvarov told him: "You do not know Polevoy: if he writes to "Pater Noster", then and it will be shocking") (Polevoi, N.A. Pis'mo Ks.A. Polevomu ot 20 dekabria 1837 g. (Letter of Ks. To A.Polevoy of December 20, 1837). *Polevoi, N.A. Izbrannye sochineniia i pis'ma. S. 52.* A.V.Nikitenko vosproizvodit mnenie Uvarova: «Ia snachala dumal predat' ego sudu: eto pogubilo by ego. Nado bylo otniat' u nego pravo govorit' s publikoiu – eto pravitel'stvo vseгда vlastno sdelat', i pritom na osnovaniiakh vpolne iuridicheskikh, ibo v pravakh russkogo grazhdanina net prava obrashchat'sia pis'menno k publike. Eto privile-giia, kotoruiu pravitel'stvo mozhet dat' i otniat' kogda khochet» (A.V.Nikitenko reproduces Uvarov's opinion: " At first I thought to prosecute it: it would ruin it. It was necessary to take away from him the right to speak with public is the government always imperiously to make, and besides on the bases quite legal because in the rights of the Russian citizen there is no right to address in writing public. It is the privilege which the government can give and take away when wants") (Nikitenko, A.V. Dnevnik: v 3 tomakh (Diary: in 3 volumes). *M., «Goslitizdat», 1955. T. I. S. 141.*)
8. Posle smerti Polevogo F.V.Bulgarin, khodataistvuia o pensii dlia ego vdovy, obrashchal vnimanie: «No vot ego net – a semeistvo – 9 chelovek detei, zhena, staraia niania – bez kуска khleba!» (After Polevoy's death F.V.Bulgarin, petitioning for pension for his widow, paid attention: "But he is not here – and family – 9 children, the wife, the old nurse are without piece of bread!") (Bulgarin, F.V. Pis'mo L.V.Dubel'tu ot 24 fevralia 1846 g. (The letter to L.V.Dubelt of February 24, 1846). *Vidok Figliarin. S. 482.*)
9. (Bulgarin F.V.). Russkaia literatura (Russian literature). *Severnaia Pchela. 1839. №80, 13 apreliia. Kursiv nash.*
10. Sr.: Boltianskii, G.M. Lenin i kino (Lenin and cinema). *M.; L., Gosizdat, 1925. S. 39.*
11. (Bulgarin, F.V.). Russkaia literatura. I Polevoi znal ob etom uspekhe. V pis'me k bratu Ksenofontu on tak otsenivaet svoe prisutstvie na peterburgskoi prem'ere svoei tragedii «Ugolino»: «Est' takaia otrada i est' chasy takoi otrady, kogda tolpa otdaet nam spravedlivost' za nashe samopozhertvovanie, kogda ona delaetsia nashei raboiu, chuvstvuet svoe nichtozhestvo i nevol'no soznaetsia, chto v nei khраниatsia eshche i vseгда budut khra-nit'sia iskry bozhestvennogo, kotorye vybivaiutsia iz nee, kak iskry iz kremnia ognivom. V eti mgnoveniia zabyvaet ona vse raschety, vse otnosheniia, plachet, khokhochet i nagrazhdaet khudozhnika-stradal'tsa. Takie minu-ty redki, takie nagrody dragotsenny, i ia ispytal teper' takuii minutu, poluchil takuii nagradu» (And Polevoy knew about this success. In the letter to the brother Xenophon he so estimates the presence at the St. Petersburg premiere of the tragedy "Ugolino": "There is such joy and there are hours of such joy when the crowd does us justice for our self-sacrifice when it becomes our uniform, feels the pettiness and involuntarily confesses that are stored in it also sparks divine which are beaten out from it as sparks from flint a flint will be always stored. During these moments she forgets all calculations, all relations, cries, laughs loudly and awards the sufferer artist. Such minutes are rare, such awards are precious, and I tested such minute now, received such award") (Polevoi, N.A. Pis'mo Ks.A. Polevomu ot 21 ianvaria 1838 g. (Letter of Ks. To A.Polevoy of January 21, 1838). *Polevoi, N.A. Izbrannye sochineniia i pis'ma. S. 529.*)
12. Sr.: «V romane, drame, istorii, kritike ia vseгда byl odin i tot zhe» (Compare: "In the novel, the drama, history, criticism I always was same") (Polevoi, N.A. Neskol'ko slov ot sochi-nitelia (Several words from the author). *Polevoi, N.A. Ocherki russkoi literatury: v 2 chastiakh. SPb., 1839. Ch. I.S. XIII.*)
13. Botsianovskii, V.F. N.A.Polevoi kak dramaturg (k 50-letiiu ego smerti) (N.A.Polevoy as the playwright (to the 50th anniversary of his death)). *SPb., 1896* (Otdel'nyi ottisk iz «Ezhegodnika Imperatorskikh teatrov» sezona 1894–1895 gg.). *S. 6.*
14. Kriticheskii vopros o noveishei sovremennoi drame (pis'mo k Diderotu) (Critical question of the latest modern drama (the letter to Diderot)). *Syn Otechestva i Severnyi Arkhiv. 1838. Kn. VI. Otd. IV. S. 87.*
15. Polevoi, N.A. Igolkin, kupets novgorodskii: istoricheskaiia byl' (Igolkin, merchant from Novgorod: historical tale). *Syn Otechestva i Severnyi Arkhiv. 1839. Kn. VIII. S. 59–60.* Pervaia paginatsiia.
16. Ozerov, V.A. Dimitrii Donskoi (Dimitrii Donskoy). *Ozerov, V.A. Tragedii. Stikhotvoreniia. L., 1960. S. 290.*
17. Dramaticheskie sochineniia i perevody Nikolaia Polevogo: v 4 chastiakh (Drama compositions and Nikolay Polevoy's translations: in 4 parts). *SPb., 1842. Ch. I. S. 62.*
18. Tam zhe. S. 68–69, 70–71. Sr. drugie primery. Izobrazhenie na stsene chlenov imperatorskoi familii bylo zapreshcheno, poetomu v finale p'esy Polevogo «Oda premudroi tsarevne Kirgiz-Kaisatskoi Felitse» Derzha-vin chitaet stikhi voobrazhaemoi slushatel'nitse – oblagodetel'stvovavshei ego Ekaterine II. Susanin v fina-le «Kostromskikh lesov» umiraet so slovami: «Vot nagrada moia – krov', kotoraiia l'etsia za moego Tsaria, a tam (ukazyvaia na nebo) – mozhet byt', pomiluet Gospod' menia, greshnogo, i udostoit soprichest' k liku praved-nykh», t.e. obrashchaetsia odnovremenno i k tsariu nebesnomu, i k tsariu zemnomu (The image on the stage of members of an imperial surname was forbidden therefore in the final of the Polevoy's play "The ode the wise tsarevna Kirgiz-Kaysatskoy Felitsa" Derzhavin reads verses to the imagined listener – Catherine II who did much good for it. Susanin dies in the final of "The Kostroma woods" with words: "Here my award – blood which flows for my Tsar, and there

- (pointing to the sky) – can be, the Lord will pardon me, guilty, and will award as righteous", i.e. addresses at the same time and the Heavenly King, and the tsar terrestrial). (Polevoi, N.A. *Kostromskie lesa (Kostroma woods). Dramaticheskie sochineniia i perevody Nikolaia Polevogo: v 4 ch. SPb., 1842. Ch. I. S. 435.*
19. *Vozmozhno, chto G.I.Gorin, izobrazhaia repetitsiiu v provintsial'nom teatre v stsennarii «O bednom gusare zamolvite slovo», imel v vidu «Dedushku russkogo flota», poskol'ku vozvuzhdenie patrioticheskogo pod"ema pri poiavlenii portreta imperatora napominaet priemy Polevogo: «Prazdnichno udarili kolokola. Pod ikh perezvon na stsene poiavilsia, k velikomu izumleniiu rimlian, borodatyi muzhik, v laptiakh, s portretom ros-siiskogo imperatora. Tsitseron – na to on i byl Tsitseron – prinial reshenie: “Brat'ia moi, mizanstseno takaia: vse – na koleni! / Chu! Imperatora slyshu shagov priblizhen'e!”*
- Slav'sia, sla-av'sia russkii nash tsar'! – zapel Bubentsov na izvestnuiu muzyku iz opery Glinki.
Slav'sia, sla-av'sia ty, nash gosudar'! – družno podkhvatili kolenopreklonennye rimliane.
Dalee, chto bylo uzhe sovsem neobiazatel'nym, muzhik perekrestil iazychnikov portretom, kak ikonoi, i skrylsia po tu storonu kulis.
- ...Aktery so strakhom vozzrilis' na Artiukhova (predstavitelia tainoi politzii, rukovodiashchego obyskom v te-atre. – A.F.).
– Patrioticheskaja veshchitsa, – tonom metsenata odobril Artiukhov» (It is possible that G.I.Gorin, representing a rehearsal in provincial theater in the scenario "About the Poor Hussar Say the Word", meant "The grandfather of the Russian fleet" as excitement of patriotic upsurge at emergence of a portrait of the emperor reminds receptions Polevoy: "Festively struck bells. Under their ringing on the stage appeared, to great amazement of Romans, the bearded man, in bast shoes, with a portrait of the Russian emperor.
Cicero – on that he was also Cicero – made the decision: "My brothers, stage setting such: in total – on knees! / Chu! I hear steps the emperor approach!"
– Be famous, sla-av'sya our Russian tsar! – Bubentsov on the known music from Glinka's opera started singing.
– Be famous, sla-av'sya you, our sovereign! – amicably kneeling Romans picked up.
Further what was already absolutely optional, the man crossed pagans a portrait as an icon, and disappeared on that side of the scenes.
... Actors with fear looked at Artyukhov (the representative of secret police leading a search in theater. – A.F.).
A patriotic bagatelle, –Artyukhov approved with tone of the patron "(Gorin, G.I., Riazanov, E.A. *O bednom gusare zamolvite slovo: kinostsenarii (About the poor hussar say the word: film script). Gorin, G.I. Antologija satiry i iumora Rossii KhKh veka. M., Izd-vo Eksmo-Press, 2000. T. VI. S. 228.*
20. Kukul'nik, N.V. Ruka Vsevyshnego Otechestvo spasla (The hand of God saved the Country). *Kukul'nik N.V. Sochineniia Nestora Kukul'nika. Soch. dramaticheskie. SPb., 1851. T. VI. S. 238.*
21. Kiseleva, L.N. Iazyk stseny i iazyk dramy v imperskom ideologicheskom stroitel'stve 1830-kh gg. (Language of a scene and language of the drama in imperial ideological construction of the 1830th). *Lot-manovskii sbornik. M., Izd-vo OGI, 2014. Vyp. IV. S. 282.*
22. Nikitenko, A.V. Dnevnik: v 3 tomakh... (Diary: in 3 volumes ...) *T. I. S. 204–205.*
23. Viazemskii, P.A. Staraja zapisnaia knizhka. 1813–1852 gg. (Old notebook. 1813–1852). *Poln. sobr. soch. kniazia P.A. Viazemskogo: V 12 t. T. IX. SPb., 1884. S. 213.*
24. Tsit. po: Izmozik, V.S. «Chernye kabinety»: Istorii rossiskoi perliustratsii. XVIII – nachalo KhKh veka (Black offices": History of the Russian perlustation. XVIII is the beginning of the XX century). *M., NLO, 2015. S. 429.*